

А. В. Парибок

СИСТЕМА ПАЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ
В ДИАХРОНИИ

DirectMEDIA

А. В. Парибок

СИСТЕМА ПАЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

*(глагольные формы
и их значения в диахронии)*

Москва
Берлин
2022

УДК 81'366
ББК 81.052.1
П18

*Статья и перевод подготовлены в рамках Соглашения между Министерством образования и науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии»

“Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”, № 075-15-2021-603

Парибок, А. В.

П18 Система палийского глагола (глагольные формы и их значения в диахронии) / А. В. Парибок. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2022. — 176 с.

ISBN 978-5-4499-2708-8

УДК 81'366
ББК 81.052.1

ISBN 978-5-4499-2708-8

© Парибок А. В., текст, 2022
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2022

Оглавление

Введение.....	7
Глава 1. Синтетическая морфология глагола. Общие сведения	14
1.1. Словоизменительная норма и типы отклонений от неё.....	14
1.2. Личные окончания	15
1.3. Синтез личных форм	16
1.4. Синтез неличных форм.....	16
1.5. Нерегулярности спряжения.....	17
1.5.1. В настоящем времени несколько глаголов имеют показатель, отличный от -а-	17
1.5.2. Следующие глаголы имеют особые основы будущего времени:	17
1.5.3. Особые основы опатива.....	17
1.5.4. Архаичные формы аориста, встречающиеся в прозе.....	17
1.5.5. Особенность императива:.....	19
1.5.6. Аугмент	19
1.5.7. Неправильности образования неличных форм.....	19
1.6. Судьба ДИА медиа	20
1.7. Об особенностях стихотворных текстов.....	20
Глава 2. Состав и граница парадигмы. Набор категорий.....	21
2.1. Понятие парадигмы	21
2.2. Парадигма и понятие словоформы.....	23
2.3. Состав парадигмы	24
2.4. Набор категорий	24
Глава 3. Репрезентация.....	26
3.1. Категория репрезентации	26

3.2. Глагольная репрезентация	27
3.3. Именная репрезентация	27
3.3.1. Адъективно-некомпози́тная репрезентация	27
3.3.2. Адъективно-некомпози́тная репрезентация	29
3.3.3. Адъективно-субстантивная репрезентация	32
3.4. Адвербиальная репрезентация	33
Глава 4. Каузатив	34
4.0. Вводные замечания	34
4.1. Морфологическое выражение каузативности и способы создания формальной оппозиции	35
4.2. Типы суперлексем	38
4.2.1. Вырожденная суперлексема	38
4.2.2. Тип I. SIM — CAUS-I	39
4.2.3. Тип II. SIM — CAUS-II	40
4.2.4. Тип III. SIM — CAUS-I — CAUS-II	41
4.3. Семантика каузативных глаголов	43
4.3.1. Различение фактитива и пермиссива	44
4.3.2. Конверсивные каузативы	45
4.3.3. Причинение и причиняемое действие	47
4.3.4. Семантика оппозиции CAUS-I и CAUS-II	50
4.3.5. Трехчленная оппозиция SIM — CAUS-I — CAUS-II	52
4.4. Синтаксические конструкции каузативов	55
4.4.0. Общие замечания	55
4.4.1. Производные первой степени	57
4.4.2. Производные второй степени	59
4.4.3. Производные третьей степени	68
4.4.4. Итоги	70
4.5. Каузативные конструкции в перфектно-результативных формах .	72
4.5.1. Конструкции производных первого порядка	72
4.5.2. Конструкции производных второго порядка	72
4.5.3. Грамматическая семантика перфектных причастий от каузативов второго порядка	73
4.6. Итоги	74
Глава 5. Залог	77
5.1. О термине «залог»	77
5.2. Пассив и актив в палийской глагольной морфологии	80

5.3. Судьба в пали ДИА пассива презентной системы.....	81
5.4. Двучленные пассивные конструкции	83
5.5. Трехчленные пассивные конструкции.....	85
5.6. Актуальное членение в эргативной конструкции	87
Глава 6. Вид и время.....	89
6.1. Личные формы.....	89
6.1.1. Будущее время (Xissanti).....	89
6.1.2. Настоящее время (Xnti).....	95
6.1.3. Аорист (Xmsu).....	99
6.1.4. Характер противопоставления Xnti и Xmsu	101
6.1.5. Перфект (Pf).....	105
6.1.6. Результатив.....	110
6.1.7. Плюсквамперфект.....	111
6.1.8. Вопросительная и отрицательная форма с Xtapubbam	112
6.1.9. Форма обычности действия (Xtar).....	112
6.2. Неличные формы	114
6.2.1. Деепричастие Xtvā.....	114
6.2.2. Перфектное причастие (Xta)	119
6.2.3. Причастие несовершенного вида (Xnta/Xmāna).....	121
6.2.4. Глагольное имя действия (Xana).....	123
6.2.5. Видовое значение причастия желания (Xtukāma).....	127
6.3. Система видовременных значений в целом.....	127
6.4. Вид и время в косвенных наклонениях.....	130
Глава 7. Наклонение	131
7.0. Вводные замечания.....	131
7.1. Изъявительное наклонение	131
7.2. Оптатив (Xeuuyim).....	131
7.3. Императив (Xntu).....	134
7.4. Запретительное наклонение	135
7.5. Условное наклонение	135
7.6. Предположительное наклонение-I.....	136
7.7. Долженствовательное наклонение.....	138
7.8. Предположительное наклонение-II.....	139
7.9. Итоги	141

Глава 8. Становление категории образа действия.....	142
8.1. Интенсивы	143
8.1.1. Сочетание деепричастия с atṭhāsi	144
8.1.2. Деепричастие + формы deti давать	146
8.1.3. Прочие сочетания с деепричастиями	147
8.2. Дуративы	148
8.2.1. Сочетание {причастие Xnta/Xmānā + личная форма глагола [vi]śagati двигаться}	148
8.2.2. Сочетание {несовершенное причастие Xnta/Xmāna + atṭhāsi (аорист Xṃsu от titṭhati стоять)}	150
8.2.3. Несовершенное причастие + формы глагола nisīdati садиться, сидеть	152
8.2.4. Несовершенное причастие Xta/Xmānā + форма глагола pīrajati лежать, ложиться.....	152
8.3. Общие замечания	153
Заключение	154
Приложение. Выборка в 250 невырожденных суперлексем.....	159
Издания источников	174

Введение

Грамматический строй индоарийских (ИА) языков на разных исторических этапах их развития исследован наукой пока еще далеко не равномерно. Давно и детально описана в фундаментальных работах древнеиндоарийская (ДИА) стадия, представленная языками ведийским и санскритом¹. Эти языки являются классическими образцами синтетического флективного строя; анализ как грамматическое средство занимает в них лишь незначительное место. С другой стороны, весьма основательно изучены и современные индоарийские языки (СИА). В грамматике их, и прежде всего в словоизменении (как с точки зрения грамматического значения, так и в том, что касается формы) обнаруживается радикальное отличие от древнего языкового состояния. Например, в системе глагола их отличает развитая многоярусная модель аналитических форм спряжения, главное место в которой занимают сочетания причастий со связками, и выражают они гораздо больше значений, чем то свойственно было ДИА глаголу². Стадии же, промежуточные между названными крайними точками языкового изменения, описаны значительно менее обстоятельно. Объясняется такое положение дел, скорее всего, сменой этапов и методов в общей лингвистике и отражением этих этапов в специальной области ИА языкознания. Раньше всего, еще со времен Боппа, языковеды взялись за древние языки и интересовались в них преимущественно морфологией (в старом смысле, т. е. рассматривали формы в пределах слова, причем значение формы — то, форма *чего* она есть, — интересовало их гораздо меньше, чем она сама по себе, как нечто бессодержательное или безразличное к содержанию) и достигли в этом прекрасных результатов. Система значений не занимала их вовсе, не была предметом науки, хотя практически была известна превосходно, но без всякого научного метода. То, что в знании древних языков (например, санскрита)

¹ См. [9], [12].

² См. [15].

сочеталось *научное* знание формы и *донаучное* знание значений, не замечалось именно благодаря синтетизму строя санскрита (синтетизм здесь понимается в семиотическом, а не в узко-морфологическом смысле, то есть не по Гринбергу: синтетизм есть для нас прежде всего тенденция языковой техники к неразложимому — синтетическому — сращению выражающих элементов различных значений).

Поскольку в синтетическом языке неделимые единицы значения и неделимые единицы выражения находятся во много-многозначном соответствии, то выделение элементарных значений, а тем более изучение значений как некоей структуры, есть настолько нетривиальная задача, что даже необходимость постановки ее тогда не сознавалась. Вопрос о структуре множества грамматических значений был поставлен в XX веке, а в области словообразования — сравнительно недавно, и произошло это через экспансию в семантике фонологических методов. Старое сравнительное языкознание пользовалось понятием формы лишь в аристотелевском смысле, как формы материи. Обогащать его кантовским понятием формы как формы содержания пытался В. фон Гумбольдт своим представлением о *внутренней форме*, но он оказался для тогдашнего языкознания слишком глубок. Не существовало в старой индоевропеистике и понятия аналитической словоформы. С такими установками индоевропеистика могла заниматься либо ахроническим сопоставлением древних языков, либо *ретроспективной* диахронией, где методом было объединение множеств парадигматических форм и приписывание полученной суммы праязыку. Это давало впечатляющие, но часто зыбкие результаты.

Такие установки сохранились вплоть до появления структурализма, а в ИА лингвистике, как периферийной для общего языкознания области, методологически сильно отстававшей, и того дольше. Если же с подобным понятийным аппаратом подходить к историческому исследованию языков, в которых происходит распад синтетического строя, то получиться должна весьма превратная картина, которая и до сих пор не полностью исправлена. Бытующее представление о строе СИА языков страдает явной ущербностью. Подробно описаны фонологические, морфонологические и морфологические процессы, имевшие место в ходе разложения древней грамматической системы; во многом это сводится к перечислению утрат древнего богатства словоформ, тогда как инновации, преимущественно аналитические, либо вовсе не замечались, либо на них

указывалось в самой краткой и мало обязывающей форме без сколько-нибудь детального и систематического рассмотрения³. Итак, первая особенность большинства работ по СИА — их крен в морфологию синтетической словоформы в ущерб синтаксису, в рамках которого должна рассматриваться аналитическая система словоизменения, и грамматической семантике.

Вторая особенность — это господство диахронической точки зрения и забвение синхронии. СИА языки не описывались последовательно исходя из них самих, но только с постоянными отсылками к ведийским и санскритским фактам — примерно так же, как и у древних индийских лингвистов, но без их формального блеска. Понятно, что это вело к несистемному взгляду на язык. В итоге, если попытаться очертить ход исторического изменения ИА языков, то окажется, например, будто к концу СИА стадии в глаголе не осталось ни прошедшего времени, ни вида и пр., а наблюдаемое парадигматическое богатство новых языков возникло непонятно как и откуда. Имеющиеся теперь синхронические описания пали и пракритов⁴ не заполняют указанную лакуну в ИА языкознании, ибо жанр общего грамматического очерка требует краткости и суммарности изложения, в рамках которого не остается места для подробного и по возможности текстуально доказательного рассмотрения грамматической системы в ее деталях. Нынешний этап требует уже монографических исследований отдельных сравнительно независимых частей (т. е. подсистем) грамматики СИА языков. Первоочередная задача здесь — изучение *глагола*.

Строй глагола определяет многие существенные черты синтаксиса; глагольное словоизменение интересно в силу своей особой сложности; наконец, именно система глагола подверглась при переходе от древнего состояния к современному наибольшей перестройке. Для такого исследования необходим обширный *прозаический* материал, ибо в стихотворные тексты аналитические новообразования попадают скупой и запоздалой и из-за метрических ограничений, и благодаря традиционности (т. е. архаичности) средств языкового выражения. Самой развитой, богатой и разнообразной прозаической литературой из СИА языков обладает пали, наиболее ранняя форма СИА. Кроме пали, проза в значительном объеме имеется только в джайнских пракритских текстах, однако

³ Ср. [15], стр. 7.

⁴ [10], [13].

и джайнские сочинения как языковой источник заметно беднее палийских. Система глагола пали и является предметом настоящей работы.

Изучение палийского глагола важно не только для ИА языкознания, но и в меньшей мере для филологии пали. Ведь мы имеем дело с языком огромной культуры, виртуозно использующей лингвистические средства выражения и разрабатывающей в теснейшей связи с ними надязыковые системы специальной терминологии и понятийных средств, для надежного понимания и освоения которых необходимо основательное знание грамматики, — она же пока исследована далеко не с той степенью подробности, коей заслуживает.

В работе рассматривается состав палийской глагольной парадигмы и критерии, определяющие ее границы, набор характеризующих ее категорий (рядов граммем) и система грамматических значений глагольного слова, в которую этот набор разворачивается. Основному изложению предпослан краткий очерк морфологии глагола, где выделяется ядро глагольной парадигмы и описаны продуктивные модели словоизменения. Нерегулярные явления рассматриваются как отклонения от описанного стандарта. Здесь же сказано о судьбе в пали ДИА медиального залога, поскольку бывшие его формы уже лишены содержания и попадают в сферу морфологии, но не грамматической семантики.

Цель работы — представить систему глагола в целом, не увязая в описании всех возможных отклонений от некоторого, слегка идеализированного, состояния языка, принятого за статистическую норму. В главе 3 «Репрезентация» множество словоформ членится на подклассы, соответствующие граммемам, по морфологическому и синтаксическому, т. е. *формальному*, основанию, — но такова уж природа категории репрезентации. В последующих же главах изложение упорядочено по *семантическим* основаниям. В каждой из них рассматривается вся глагольная парадигма и описывается выражение составляющих категорию граммем в любых словоформах, не нейтральных к ее выражению. Такой способ подачи материала будет, конечно, доходчив лишь в случае некоторого знакомства со стороны читателя хотя бы с ДИА, а лучше с самим языком пали, поскольку перекрестные ссылки неизбежны содержательно (но не всегда делаются в тексте). Для остальных текст может оказаться трудноват, — зато он систематичен. В оправдание себе автор может напомнить, что нерекурсивное описание языка по сю пору не изобретено и сомнительно, что оно

возможно вообще. При описании значений никак не избежать в некоторых случаях герменевтического круга.

Значительная часть материала вводится или категориально интерпретируется здесь впервые. Чтобы проверить верность выводов, в основном, как надеется автор, достаточно приводимых примеров. Стилль изложения избран догматический, с избеганием полемики. Почти полное отсутствие ссылок на специальные работы по пали объясняется бедностью новейшей литературы. Помимо упомянутого общего очерка [13], отметим еще тщательное исследование Хендриксена [3]. Оно интересно прежде всего большим собранным материалом и анализом вариантов значений, наблюдаемых в текстах. Задач интерпретации и выявления *системы* значений в нем не ставится.

Данное исследование выполнено почти целиком на материале росписи текстов. Расписывались с разной степенью подробности следующие тексты: из канонических — разделы Vinayaṭṭak' и Suttavibhaṅgo и Cullavaggo; Dīghanikāyo и Majjhimanikāyo (материал других *никай* оказался на поверку не дающим решительно ничего нового); Jātakā с комментарием (все 6 томов), Suttanipāto и другие небольшие произведения в составе Khuddakanikāyo, абхидхармистские трактаты Dhammasaṅgaṇi и Vibhaṅgo. Из послеканонических — Milindapaṭṭho, комментарии на Dhammapadam, Visuddhimaggo, комментарии на Abhidhammapiṭakam и др. Всё это дало порядка 4000 примеров. Перечисленные тексты создавались на протяжении примерно тысячелетия, и в них заметна языковая неоднородность. Во всех случаях, кроме особо оговоренных, в работе описывается вариант языка, характерный для повествовательных текстов, то есть *общие черты* прозы *никай*, комментариев на стихи *Джатак*, на *Дхаммападу*, повествовательных частей Visuddhimaggo и Milindapaṭṭho, некоторых других комментариев. Ему противостоит ранний поэтический язык, отмеченный архаизмами, а стилистически также и язык научных трактатов, стремящийся в пределе к полной формализации и устранению глагола вообще. Повествовательный прозаический стиль принят за эталон, имеющиеся диахронические различия внутри него сводятся, как оказалось, в основном к синтетической морфологии, а потому игнорируются. Все выражения вроде «поздний», «архаичный» и т. п. следует понимать относительно указанной точки отсчета. Выбор эталона предопределен наибольшим богатством и разнообразием материала, извлекаемого из эталонных текстов, сравнительно с прочими.

Расхождения между текстами разных периодов часто несущественны, по крайней мере, при принятой здесь степени детализации описания⁵. В прозе жанровые расхождения превышают диахронические, если их бывает возможно разделить, но так обстоит дело не всегда. Язык ранней поэзии отличается отклонениями от прозы на всех языковых ярусах⁶, в поздней же поэзии заметно влияние санскрита.

Существующие палийские словари не могли служить надежным источником. Все они, за исключением капитального словаря [1], еще очень далекого от завершения, совершенно неудовлетворительны для лингвиста (хотя и полезны при практике перевода) и крайне устарели. В них отражается уровень исследованности языка пали, наличествовавший сто лет назад. Словари эти пестрят ошибками, словарные статьи в них строятся не вполне последовательно, решительно недостает грамматических сведений и текстуальных подтверждений. Для предпринятой работы они были использованы лишь как источник материала по морфологии, поскольку она в них фиксировалась все же подробнее и тщательнее, нежели семантика или информация о синтаксических свойствах слова. Выпуски же «Критического словаря» [1] охватили до сих пор менее четверти словарного запаса пали. Они использовались нами достаточно широко, но и их данные нередко перепроверялись по текстам.

К сожалению, нельзя полностью доверять и трудам древних и средневековых палийских грамматистов⁷, так что исследователь пали находится в невыгодном положении сравнительно с санскритологом, могущим безоглядно полагаться на Панини. Иногда в их трудах выделяются под влиянием санскритской грамматической традиции явления, на СИА стадии уже отмершие или пересмысленные, например дательный падеж (его форма сохранилась только в одном словоизменительном типе и оторвалась от склонения) или перфект синтетического образования (вообще отсутствует

⁵ Наша точка зрения фактически очень близка к позиции традиционных палийских комментаторов. Толкуя прозу *никай*, они имеют дело с языком, в ряде случаев архаичным на фоне их собственного, однако почти никогда не испытывают необходимости глоссировать словоформы. Напротив, поясняя поэтические тексты, они сплошь и рядом прибегают к глоссам. Так же и мы будем приравнивать к одновременным фактически разновременные слои языка, бывшие для ранних комментаторов непосредственно понятными и не нуждавшиеся в пояснениях.

⁶ [13], стр. 14.

⁷ [4], [5], [7].

как граммема). В сфере синтаксиса они недостаточны, а в морфологии ограничиваются указанием на принципиальную допустимость формы, не озабочиваясь ее употребительностью, так что иной раз оказывается, что «правильная» форма не встречается в текстах ни разу. Так, половина из описываемых Качачаной окончаний медиа ненаблюдаема, а некоторые из наблюдаемых употребляются всегда в другой функции, чем та, которую приписывает им грамматист.

Кроме названных источников, из добросовестности приходится назвать источником и собственное владение языком пали и языковое чувство, в какой степени оно смогло развиваться после внимательного прочтения и освоения нескольких тысяч страниц палийского текста. Обращение исследователя к своему владению языком — дело совершенно необходимое и вполне законное. Без этого не обходится ни один лингвист. Думается, в большинстве случаев к нему прибегали, не признаваясь, даже самые завзятые дескриптивисты. Для семантических же штудий это простая необходимость. Впрочем, личная языковая компетенция исследователя как владеющего языком пали человека используется в работе ограниченно, и автор не занимается измысливанием примеров *вместо* того, чтобы искать их в текстах. Однако в целом обойтись без нее невозможно. Всякая приводимая трансформация, утверждение о невозможности (а не просто о невстречаемости в текстах) какой-либо языковой формы или, напротив, ее допустимости, всякие нетривиальные соображения о контекстном оттенке значения формы опираются в конечном счете на понимание языка. Понимание же полностью не формализуемо, и именно поэтому должно считаться самостоятельным источником, а не частью метода.

ПАРИБОК Андрей Всеволодович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследования философии и культуры «Пурушоттама», Российский университет дружбы народов, Москва.

ISBN 978-5-4499-2708-8

9 785449 927088